



УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2024.1.23.180.203>

Могильники постгуннского времени в каньоне Каракабак (Мангистау): раскопки 2023 года

© 2024 г. Астафьев А.Е., Богданов Е.С., Жамбулатов К.А.

Keywords: archaeology, Mangystau, Karakabak, burial ground, burial, settlement, post-Hunnic period, Shipovsky horizon

Түйін сөздер: археология, Маңғыстау, Қаракабақ, қорым, жерлеу, қала, ғұндардан кейінгі кезең, шипов қабаты

Ключевые слова: археология, Мангистау, Каракабак, могильник, погребение, городище, постгуннский период, шиповский горизонт

Andrey Astafiev¹, Evgeniy Bogdanov²  and Kairat Zhambulatov¹ *

¹Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Aktau, Almaty, Kazakhstan. E-mail: aasta@list.ru

²Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia. E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

^{1*}Corresponding author, Senior Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: kairo_88@inbox.ru

The article is dedicated to the results of new research conducted at post-Hunnic burial grounds No. 1, 3 and 7, located in the Karakabak Canyon. Next to the necropolis, on the top of the chink, there is an urban-type settlement of the same name, which was a port and craft center and at the same time a trading post, ensuring the functioning of the land-water trade route connecting the “West” and “East”. The work of previous years showed that the population of the Karakabak settlement was not homogeneous in its ethnic composition. Apparently, a significant part of the urban residents adhered to Zoroastrian traditions and used the Altynkazgan ritual and burial complex, located 12 km deep into the steppe zone, to perform the funeral rite. Another part of the inhabitants of the settlement (as evidenced by recent studies) remained faithful to nomadic traditions, using an established burial rite (individual burial sites, northern orientation, burial pits of narrow rectangular shape and with a hollow niche under the eastern or western wall, deformation of the skull) formed in the late Sarmatian environment of the Southern Urals back in the second half of the 2nd century AD. The groups of objects studied by continuous excavation have a number of features: 1. the use of a ritual circular layout next to the funeral structure; 2. burials of only women and teenage children were found in the excavated stone mounds. The found accompanying inventory corresponds to the so-called “Shipovsky horizon” of metal products, complete analogies of which are also found at the Karakabak settlement and the Altynkazgan ritual and memorial complex. The studied burials are dated within the end of the 5th – middle 6th centuries.

Source of funding: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2023–2024, IRN BR18574175 and a grant FWZG-2022-0006.

For citation: Astafiev, A., Bogdanov, E., Zhambulatov, K. 2024. Post-Hunnic burial grounds in Karakabak Canyon (Mangystau): excavations of 2023. *Kazakhstan Archeology*, 1 (23), 180–203 (in Russian).

DOI: [10.52967/akz2024.1.23.180.203](https://doi.org/10.52967/akz2024.1.23.180.203)

Андрей Евгеньевич Астафьев¹,
Евгений Сергеевич Богданов²,
Қайрат Абайұлы Жамбулатов^{1*}

¹ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Ақтау қ., Алматы қ., Қазақстан

²тарих ғылымдарының кандидаты, аға ғылыми қызметкер, ПҒА СБ Археология және этнография

Андрей Евгеньевич Астафьев¹,
Евгений Сергеевич Богданов²,
Кайрат Абаевич Жамбулатов^{1*}

¹научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Актау, г. Алматы, Казахстан

²кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии



институты, Новосибирск қ., Ресей
^{1*}корреспондент-авторы, аға ғылыми қызметкер,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан

**Қаракабақ шатқалындағы (Маңғыстау) ғұндардан
кейінгі кезеңдегі қорымдар:
2023 жылғы қазба жұмыстары**

Мақала Қаракабақ шатқалында орналасқан ғұндардан кейінгі кезеңнің № 1, 3 және 7 қорымдарында жүргізілген жаңа зерттеулердің нәтижелеріне арналған. Қорымның жанында, шыңның ұшар басында портты-қолөнер орталығы әрі «Батыс» пен «Шығысты» байланыстыратын құрлық-су сауда жолының жұмысын қамтамасыз ететін сауда факториясы болған қала типтес, шатқалмен аттас қоныс орналасқан. Алдыңғы жылдары жүргізілген жұмыстар Қаракабақ қаласының тұрғындары этникалық құрамы жағынан әртекті екенін көрсетті. Шамасы қала тұрғындарының едәуір бөлігі зороастризм дәстүрлерін ұстанған және қайтыс болған адамды жерлеу үшін 12 шақырым жерде, ең далада орналасқан Алтынқазған ғұрыптық-жерлеу кешенін пайдаланған. Қала тұрғындарының екінші бөлігі (соңғы зерттеулер көрсеткендей) көшпелі дәстүрді берік ұстанып, б.д. II ғ. 2-жартысында Оңтүстік Урал маңындағы кейінгі сармат ортасында қалыптасқан жерлеу рәсімін пайдаланған (жеке обаларға жерлеу, солтүстікке бағдарлау, қабірлер тар әрі тіктөртбұрыш пішінді, шығыс немесе батыс қабырғасында ақым қазылған, бас сүйек деформацияға ұшыраған). Үздіксіз қазу арқылы зерттелген нысандар тобының бірқатар ерекшеліктері бар: 1. бұл жерлеу құрылысының жанында ғұрыптық шеңберлі төсемді қолдану; 2. обаның тас үйінділерінің астынан тек әйелдер мен жасөспірім балалардың жерленгені анықталды. Табылған ілеспе заттар «шипов қабаты» деп аталатын металл бұйымдарға сәйкес келеді, осыған толық ұқсас заттар Қаракабақ қаласында және Алтынқазған ғұрыптық-еске алу кешенінде де кездеседі. Зерттелген жерлеу орындары V ғ. соңы мен VI ғ. ортасы деп мерзімделеді.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023-2024 жж. арналған бағдарламалық-мақсатты қаржыландыруы, ЖТН BR18574175 жобасы және FWZG-2022-0006 ф3Ж гранты аясында дайындалған.

Сілтеме жасау үшін: Астафьев А.Е., Богданов Е.С., Жамбулатов К.А. Қаракабақ шатқалындағы (Маңғыстау) ғұндардан кейінгі кезеңдегі қорымдар: 2023 жылғы қазба жұмыстары. *Қазақстан археологиясы*. 2024. № 1 (23). 180–203-бб. (Орысша).

[DOI: 10.52967/akz2024.1.23.180.203](https://doi.org/10.52967/akz2024.1.23.180.203)

СО РАН, г. Новосибирск, Россия
^{1*}автор-корреспондент, старший
научный сотрудник, Институт археологии
имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

**Могильники постгуннского времени в каньоне
Каракабак (Мангистау):
раскопки 2023 года**

Статья посвящена результатам новых исследований, проведенных на могильниках постгуннского времени № 1, 3 и 7, расположенных в каньоне Каракабак. Рядом с некрополем, на вершине чинка, раскинулось одноименное поселение городского типа, являвшееся портово-ремесленным центром и одновременно торговой факторией, обеспечивающей функционирование сухопутно-водного торгового пути, соединяющего «Запад» и «Восток». Работы предыдущих лет показали, что население городища Каракабак являлось не однородным по своему этническому составу. По всей видимости, значительная часть городской среды придерживалась зороастрийских традиций и для отправления погребального обряда использовала ритуально-погребальный комплекс Алтынказган, расположенный в 12 км в глубь степной зоны. Другая часть жителей городища (о чём свидетельствуют последние исследования) оставалась верна кочевническим традициям, используя устоявшийся обряд погребения (индивидуальные подкурганые захоронения, северная ориентировка, могильные ямы узкой прямоугольной формы и с подбойной нишей под восточной или западной стенкой, деформация черепной коробки) сформированный в позднесарматской среде Южного Приуралья ещё во 2-й пол. II в. н.э. Изученные сплошным раскопом группы объектов имеют ряд особенностей: 1. это использование рядом с погребальным сооружением ритуальной кольцевой выкладки; 2. в подкурганых каменных насыпях были выявлены погребения только женщин и детей-подростков. Найденный сопроводительный инвентарь соответствует так называемому «шиповскому горизонту» металлических изделий, полные аналогии которых также встречаются на городище Каракабак и ритуально-поминальном комплексе Алтынказган. Изученные погребения датируются в пределах конца V – сер. VI в.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023-2024, ИРН проекта BR18574175 и гранта НИР FWZG-2022-0006.

Для цитирования: Астафьев А.Е., Богданов Е.С., Жамбулатов К.А. Могильники постгуннского времени в каньоне Каракабак (Мангистау): раскопки 2023 года. *Археология Казахстана*. 2024. № 1 (23). С. 180–203.

[DOI: 10.52967/akz2024.1.23.180.203](https://doi.org/10.52967/akz2024.1.23.180.203)



1 Введение (Астафьев А.Е., Богданов Е.С., Жамбулатов К.А.)

В настоящее время наш авторский коллектив продолжает работу по актуальной теме возникновения и функционирования в эпоху переселения народов на территории Мангистау торгово-ремесленного поселения Каракабак. Последний являлся неотъемлемой частью Индийско-Римского/Византийского сухопутно-водного торгового пути. Его возникновение мы связываем с событиями III в., когда было основано Каракабакское портовое поселение, являвшееся ранее неизвестным торгово-ремесленным центром глобальной системы, более известной под наименованием Великий Шёлковый путь [Астафьев, Богданов 2019; 2020а; 2023: 209–222]. Ключевым моментом существования Каракабака является его связь с историей полукочевых сообществ Хорезма, Арало-Каспийского междуморья, Восточного Приаралья, Волго-Уральского междуречья и Южного Приуралья.

При Каракабакском городище, в силу продолжительной активности жизненных процессов и особенностей духовных устоев зороастрийской направленности его обитателей, функционировал алтынказганский ритуально-погребальный комплекс [Астафьев, Богданов 2023]. Группам № VII–IX памятника Алтынказган свойственны находки металлических изделий шиповского (постгуннского) горизонта сер. V – нач. VI в. [Астафьев, Богданов 2023: рис. 316, 328, 379–388]. Причём большая их часть изготовлена специально для ритуальных целей и не использовалась в быту. Мы не случайно делаем акцент на шиповском горизонте. Дело в том, что заволжская группа степных памятников отличается наличием аппликативных антропоморфных изображений и металлических сбруйных накладок с «дерюжным» декором, а также явными следами воздействия центральноазиатской престижной культуры (бляхи конской гарнитуры со вставками из сердолика, стекла и с зернью, подвески в форме сердечка с перегородчатой инкрустацией, гривны с окончаниями в виде головы дракона, «ярусные» трехлопастные наконечники стрел, «П»-образные портупейные скобы, бронзовые зеркала с длинной ручкой-штырем), в то время как причерноморские находки постгуннского времени выделяются большим количеством вещей средиземноморского/ранневизантийского происхождения, которые в Заволжье попадают гораздо реже [Казанский 2020: 96–113, 120]. В составе «кладов» и среди случайных находок на Алтынказгане предметы импорта отсутствуют и практически все изделия из меди, серебра и золота (полихромный стиль) изготовлены в подражательной манере. Причем наблюдается чёткая взаимосвязь с комплексом находок с Каракабака вплоть до прямых аналогов [Астафьев, Богданов 2023: табл. 51]. Точно такую взаимосвязь мы обнаружили при исследовании могильника № 10 в каньоне Каракабак [Астафьев, Богданов 2020б: рис. 5; 2021: 66–67]. Кроме этого, отметим еще два интересных факта: 1. погребальная обрядность характерна для позднесарматского круга памятников; 2. обнаружены только женские и детские захоронения с типичными изделиями «понтийской моды» и полихромными украшениями по византийским технологиям [Астафьев, Богданов 2020б: 189–190, рис. 1–4]. В настоящей статье в научный оборот вводятся новые данные из раскопок ещё трёх могильников в каньоне Каракабак.

2 Район работ и методы исследования (Астафьев А.Е., Богданов Е.С., Жамбулатов К.А.)

2.1 Методика исследования

Исследованные нами объекты располагаются в Тупкараганском районе Мангистауской области Республики Казахстан, практически на побережье (рис. 1)* (*Все рисунки и фотографии к данной статье выполнены А.Е. Астафьевым). Восточный борт каньона в этом месте представлен крупным останцом, на котором располагается Каракабакское городище. Западный борт рассечен многочисленными промоинами, оконтуренными делювиальными шлейфами (конусами выноса), на которых располагаются отдельными группами сооружения-наброски из блоков известняка и кремневых конкреций. В общей сложности выявлено 17 группировок ритуально-погребальных объектов (могильников), в которых 65 определены как надмогильные сооружения (каменные наброски) и 49 – как ритуальные (кольцевидные выкладки). Отличительным признаком комплексов является привязка 2–5 набросок к одной кольцевидной выкладке [Астафьев, Богданов 2020б: рис. 1, 2] (рис. 2; 10). Поскольку все объекты сильно перекрыты грунтовыми наносами, то методически верным подходом являлось изучение конструкций вручную сплошным раскопом (по возможности)

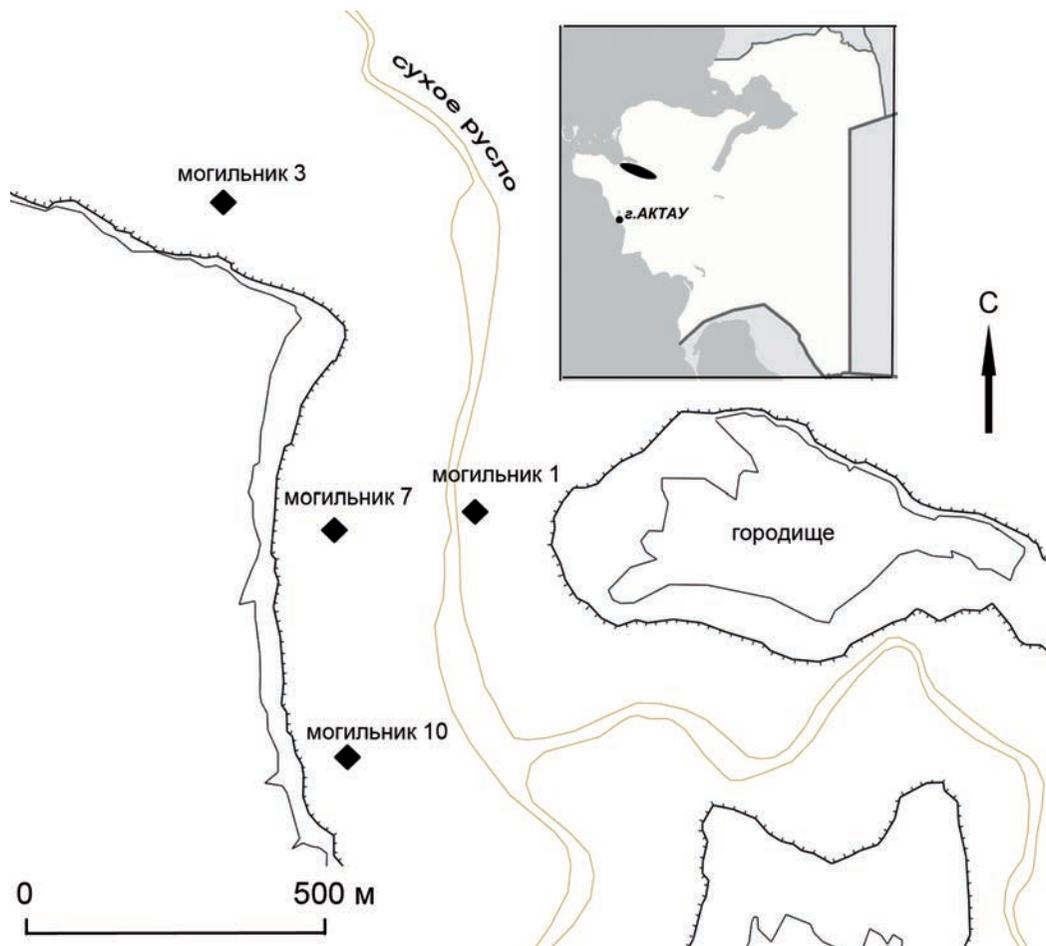


Рис. 1. Каньон Каракабак. Месторасположение исследованных могильников 1-сур. Қарақабақ шатқалы. Зерттелген қорымдардың орналасқан жері
Fig. 1. Karakabak Canyon. The location of the investigated burial grounds

с последующей зачисткой материковой поверхности до обнажения каменных завалов и могильных ям. Для аэросъемки применялся квадрокоптер «DJI Mavic Air 2».

2.2 Описание исследованных погребений и полученного материала

Могильник № 1 (рис. 1) состоял из пяти видимых на современной поверхности объектов (рис. 2). Три каменных наброски диаметром около 3 м имели крепиды, построенные из крупных меловых блоков (рис. 3; 4, 1). Две кольцевидных выкладки диаметром 6 и 10 м имели ширину кладки в пределах 1 м. Исследованы объекты № 1 и 2 с однотипными конструктивными элементами. Крепиды (в плане овальной формы) из блоков известняка расположены продольной осью по линии С–Ю и внутри них устроены могильные ямы подбойного типа. На дне, вдоль западных стен ям вертикально установлены под небольшим наклоном плиты средней величины из меловой породы (рис. 4, 1, 2Б). У объекта № 1 за плитами выявлен небольшой щелевидный подбой, вероятно, засыпанный в древности; его дно находилось на 0,1 м ниже дна могильной ямы, высота свода 0,3 м. У объекта № 2 подбой был больше размерами и, судя по всему, на момент окончания погребального обряда не был засыпан. В первом случае, в подбое расчищен плохо сохранившийся скелет ребенка.

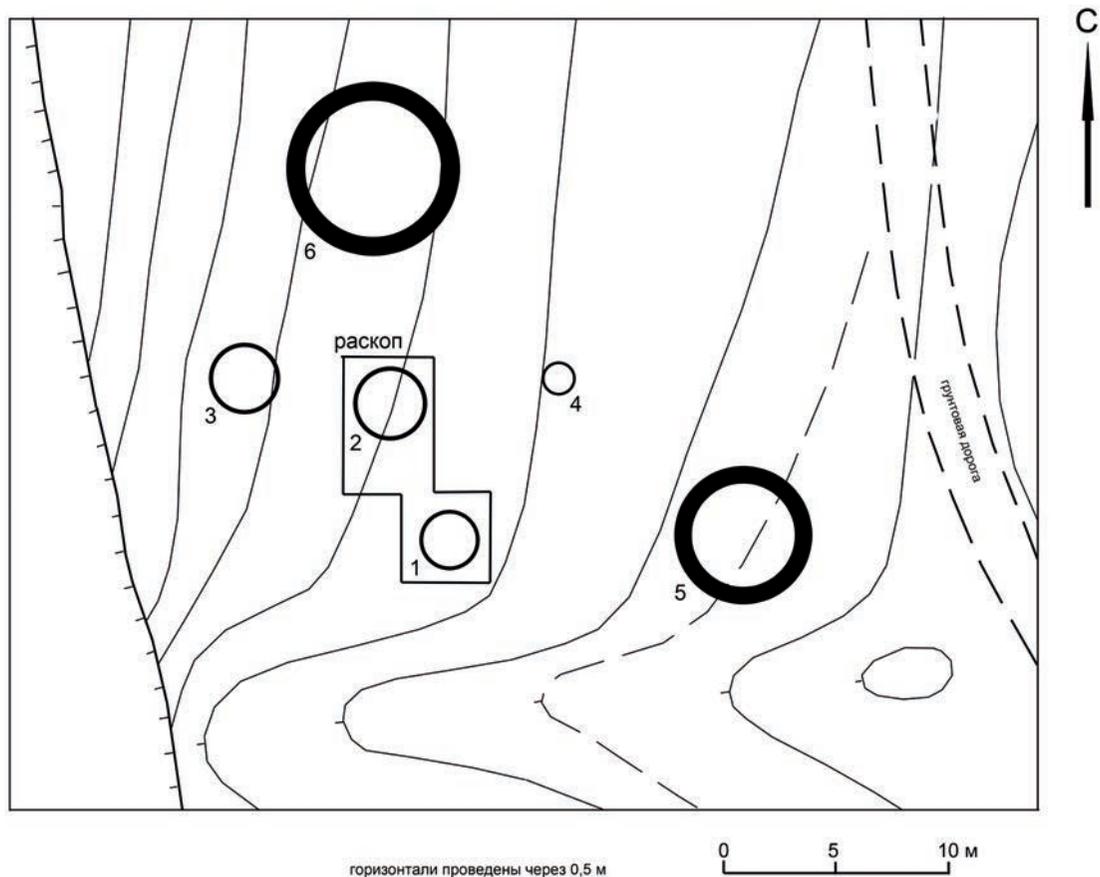


Рис. 2. Каньон Каракабак. План могильника № 1
2-сур. Қарақабак шатқалы. № 1 қорым жоспары
Fig. 2. Karakabak Canyon. Burial ground nr. 1 plan

ка возрастом до одного года с сильной кольцевой деформацией, вытянуто на спине с ориентацией головой на север. В области таза найдена медная ременная пряжка с овальной рамкой уплощенного под углом сечения и неподвижным округлым щитком с тремя полукруглыми выемками (рис. 5, 1). Во втором погребении обнаружен скелет ребенка 5–7 лет. Его уложили вытянуто на спине головой (с лобно-затылочной деформацией) на север. На позвоночнике в области поясничного отдела и на лобковых костях таза найдены две медные пряжки (рис. 5, 2, 3). Ременная пряжка имеет массивную цельнолитую рамку округлого сечения с утолщением контура и желобком в области окончания язычка. Язычок хоботковидный, прямой, сегментовидного сечения. Малая, вероятно, португейная пряжка найдена перевернутой язычком вниз и имела овальную рамку уплощённого сечения.

Могильник № 3 располагается на склоне, сформированном участком плато Емды (рис. 1). Место представляло собой террасированный выход коренных известняков, перекрытый чехлом делювиальных смывов с уклоном 5–20° в сторону морского побережья залива Кочак. Дневная поверхность усыпана желваками и кусками кремневого камня, среди которых удалось выявить остатки пяти сооружений: четырёх каменных кургановидных набросок (объекты № 1–4), образующих дугу протяженностью 125 м по линии В–3 и одна кольцевидная выкладка (объект № 5). Исследованы объекты № 2–4. Их наземные конструкции однотипны: наброски сложены из кремневых желваков



Рис. 3. Каньон Каракабак. Могильник № 1.
Вид с юга на объект № 1 после зачистки наземной конструкции
3-сур. Қарақабақ шатқалы. № 1 қорым.
Жер бетіндегі құрылымды тазалағаннан кейінгі № 1 нысанға оңтүстіктен қарағандағы көрініс
Fig. 3. Karakabak Canyon. Burial ground nr. 1.
A view from the south of object No. 1 after stripping the ground structure

и кусков известняка, а кольцевидные крепиды (диаметром от 3,5 до 4,2 м) однорядной кладки – только из блоков меловой породы (рис. 6). В двух случаях из трёх, с северной/северо-восточной стороны у стены крепиды расчищено по одному (на 2/3 корпуса врытых в материковое основание и целенаправленно разбитых в древности) серо-глиняных кумгана станкового производства (рис. 7). Погребений в центре сооружений не обнаружено. Наиболее интересным в плане находок оказался *объект №2*, частично разрушенный грабительскими раскопками в относительно недавнее историческое время. При расчистке внутреннего заполнения крепиды и в слое рыхлого перекопа и выброса были найдены: железный однолезвийный нож (с клинком высокой треугольной формы и коротким массивным черешком), сильно коррозированный фрагмент железных удил, целые и фрагментированные детали парадного наборного пояса (рис. 8). Последние представляют собой обкладки из тонкого полностью оксидированного медного листа с позолотой. Вероятно, грабители частично пытались скрыть следы своей деятельности, в результате чего часть блоков крепиды была перемещена вместе с вынутым грунтом и камнями наброски. Можно предполагать, что найденные в процессе наших исследований предметы первоначально компактно залежали на уровне древней поверхности в виде ритуального приношения или были помещены в неглубокую яму.



1

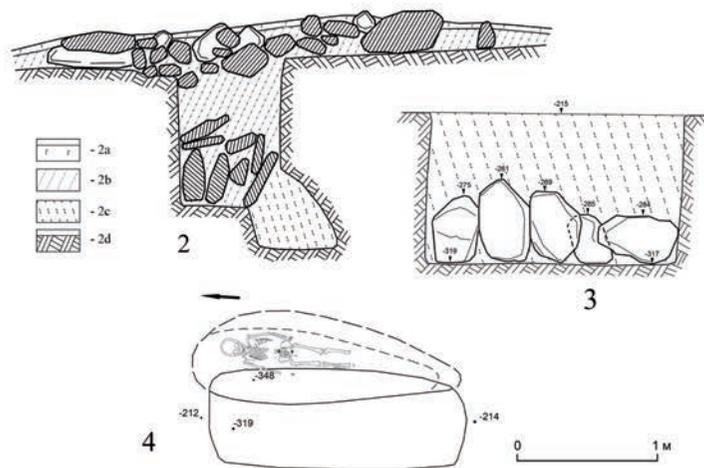


Рис. 4. Каньон Каракабак. Могильник № 1, объект № 2: 1 – вид с запада на крепиду и могильную яму с закладом подбоя в стенке могильной ямы; 2 – разрез насыпи и могильной ямы (2a – дёрн, песок; 2b – рыхлая супесь; 2c – перемешанный слой супеси и суглинки; 2d – материк, суглинок); 3 – продольный разрез заклада подбойной ниши; 4 – план могильной ямы

4-сур. Қарақабак шатқалы. № 1 қорым, № 2 нысан: 1 – тұғыртасқа және жерлеу шұңқырының қабырғасындағы ақымы бар қабірге батыстан қарағандағы көрініс; 2 – үйінді мен жерлеу шұңқырының қимасы (2a – шым, құм; 2b – борпылдақ құмды саз; 2c – құмтас пен саздың аралас қабаты; 2d – құрғақ жер, саздақ); 3 – ақымның көлденең қимасы; 4 – жерлеу шұңқырының жоспары

Fig. 4. Karakabak Canyon. Burial ground nr. 1, object nr. 2: 1 – view from the west of the crepidoma and the grave pit with a lining in the wall of the grave pit; 2 – section of the embankment and grave pit (2a – turf, sand; 2b – loose sandy loam; 2c – mixed layer of sandy loam and loam; 2d – native soil, loam); 3 – longitudinal section of the lining niche; 4 – plan of the grave pit



Рис. 5. Каньон Каракабак. Могильник № 1.
Бронзовые поясные пряжки: 1 – объект № 1;
2-3 – объект № 2

5-сур. Қарақабак шатқалы. № 1 қорым.
Қола белдік тоғалар: 1 — № 1 нысан; 2-3 — № 2 нысан

Fig. 5. Karakabak Canyon. Burial ground nr. 1.
Bronze belt buckles: 1 – object nr. 1;
2-3 – object nr. 2

Могильник № 7 располагался у западного борта каньона на широком делювиальном склоне, в виде двух «языков» (рис. 9). На южном широком «языке» находятся остатки пяти каменных сооружений, представляющих собой три наброски и две кольцевидные выкладки (рис. 10). Сооружения из кремневых желваков и кусков природного известняка возведены на склоне с уклоном в восточном направлении до 5°.

Объект № 1 представлял собой скопление (7,5×8,5 м) камней на уровне древней поверхности. В центральной части полукружья выявлена яма диаметром около 2 м с песчаным заполнением. При расчистке остатков сооружения находок сделано не было. Возможно, яма появилась в результате деятельности грабителей в древности при поиске захоронения.

Объект № 2 располагался в 5 м к СВ от объекта № 1 (рис. 10) и представлял собой



Рис. 6. Каньон Каракабак. Могильник № 3, объект № 4. Вид с востока на крепиду после зачистки
6-сур. Қарақабак шатқалы. № 3 қорым, № 4 нысан.

Тазалағаннан кейінгі тұғыртасқа шығыстан қарағандағы көрініс

Fig. 6. Karakabak Canyon. Burial ground nr. 3, object nr. 4. View from the east of crepidoma after the stripping



Рис. 7. Каньон Каракабак. Могильник № 3.
Станковые сосуды из объектов № 2 (1) и № 4 (2)

7-сур. Қарақабақ шатқалы. № 3 қорым.
№ 2 (1) және № 4 (2) нысандардағы шарықта жасалған ыдыстар

Fig. 7. Karakabak Canyon. Burial ground nr. 3.
Pottery vessels from objects nr. 2 (1) and nr. 4 (2)

небольшую каменную наброску (2×2,5 м), вытянутую продольной осью по линии С–Ю. В её основании зафиксирована крепида из известняковых блоков. Под западной частью выкладки расчищено организованная двухуровневая кладка плит известняка 0,6×0,85 м, уложенных в два слоя на глубину 0,25 м от уровня древней поверхности (рис. 11). Нижний уровень представлен двумя плитами. Могильная яма под камнями и находки не обнаружены.

гановидную наброску диаметром 5,5 м, высотой 0,6 м. В её основе находилась округлая в плане крепида (3,5×4 м), сложенная из крупных блоков известняка, в основном уложенных радиально (рис. 12, 1). Внутри сооружения был зафиксирован каменный заклад могильной ямы из мелких камней (рис. 12, 2) на глубину 0,5 м. Ниже могила заполнена стерильным грунтом. Могила имела прямоугольную форму со скругленными углами и ориентирована по линии С–Ю (рис. 13). Размеры ямы 1,65/1,8×0,7/0,8 м, глубина 1,6 м. На отметках -90/100 см от уровня древней поверхности расчищен просевший плитчатый заклад из меловой породы, который подразумевает существование ступенчатых стенок могильной ямы (рис. 13, 2). Под плитами перекрытия обнаружен скелет подростка 10–12 лет, уложенного вытянуто на спине головой (имел деформацию) на север (рис. 13). Чуть выше головы на невысокой ступеньке стояли два глиняных сосуда – лепная кружка с петлевидной ручкой и небольшой станковый серо-глиняный кумган с отбитым в древности носиком (рис. 13; 14, 1, 2). В области тазовых костей найдена плохой сохранности золотая фольгированная обкладка от деревянной пряжки (рис. 14, 3).

Объект № 3 располагался в 10 м к ЮВ от *объекта № 1* (рис. 10) и представлял собой каменную кургановидную наброску диаметром 5,5 м, высотой 0,6 м. В её основе находилась округлая в плане крепида (3,5×4 м), сложенная из крупных блоков известняка, в основном уложенных радиально (рис. 12, 1). Внутри сооружения был зафиксирован каменный заклад могильной ямы из мелких камней (рис. 12, 2) на глубину 0,5 м. Ниже могила заполнена стерильным грунтом. Могила имела прямоугольную форму со скругленными углами и ориентирована по линии С–Ю (рис. 13). Размеры ямы 1,65/1,8×0,7/0,8 м, глубина 1,6 м. На отметках -90/100 см от уровня древней поверхности расчищен просевший плитчатый заклад из меловой породы, который подразумевает существование ступенчатых стенок могильной ямы (рис. 13, 2). Под плитами перекрытия обнаружен скелет подростка 10–12 лет, уложенного вытянуто на спине головой (имел деформацию) на север (рис. 13). Чуть выше головы на невысокой ступеньке стояли два глиняных сосуда – лепная кружка с петлевидной ручкой и небольшой станковый серо-глиняный кумган с отбитым в древности носиком (рис. 13; 14, 1, 2). В области тазовых костей найдена плохой сохранности золотая фольгированная обкладка от деревянной пряжки (рис. 14, 3).

Объект № 4 располагался в 5 м к СВ от *объекта № 3* (рис. 10) и представлял собой каменную наброску диаметром до 5 м с явным расползанием конструкции по склону в восточном направлении. В её основе прослеживается крепида (с ориентацией продольной оси по линии СВ–ЮЗ) из крупных блоков известняка, уложенных разреженно в один ряд (рис. 15). Около одного из них, с внешней стороны, в СВ секторе обнаружен вкопанный лепной сосуд, специально разбитый крупным куском кремня в древности (рис. 17, 1). Заклад могильной ямы выполнен камнями небольших и реже средних пропорций на глубину 0,6/0,7 м от уровня древней поверхности (рис. 16, 1). Элементом перекрытия подбойного входа в погребальную камеру служила всего одна плита в ЮЗ секторе. Размеры могильной ямы 1,05×2,3 м, глубина 1,8 м от уровня древней поверхности (рис. 16, 2). Её дно на 0,1 м через ступеньку выше уровня дна погребальной камеры (высота свода 0,6/0,7 м). Женщину, предположительным возрастом 40–45 лет, уложили вытянуто на спине головой на СЗ (рис. 16, 3). Череп с



хорошо выраженной кольцевой деформацией лежал с наклоном на правый бок. Кости рук вытянуты вдоль тела. Кисть правой руки чуть крупнее кисти левой руки. Кости ног вытянуты и не сомкнуты в ступнях.

В области сосцевидных отростков черепа найдены парные медные с позолотой калачиковидные серьги (рис. 17, 11, 12). Зауженные концы сведены, в средней части валиковидное утолщение. С левой стороны от черепа залегало бронзовое зеркало дисковидной формы (диаметр 77 мм) с ручкой в виде кнопки, верхнее основание которой имеет небольшое углубление (рис. 17, 4). На обратной стороне диска просматриваются концентрические окружности. В диск зеркала вставлен медный косметический пинцет, изготовленный из согнутой пополам полосы с расширяющимися и чуть загнутыми внутрь концами (рис. 17, 3). Немного ниже и восточнее зеркала плашмя лежал короткий двухлезвийный железный нож с клиновидным черешком (рис. 17, 2). В 0,3 м левее черепа человека уложили шкуру козла* (*Определения А.Е. Астафьева, С.К. Васильева): сохранился череп и три пястные кости. В 0,2 м левее оконечности фаланг левой кисти человека вертикально установлена четвертая пястная кость козла. Вдоль кисти левой руки умершей женщины лежал крестец и хвостовые позвонки козла.

На основании крестцовой кости скелета женщины обнаружены металлические обкладки деревянных имитаций пряжки щиткового типа и наконечника пояса (рис. 17, 5, 6). Ременной наконечник перекрывает щиток пряжки, язычок которой был направлен в правую сторону. Обкладкой деревянной основы служила тонкая тиснёная фольга меди с покрытием фольгированным металлом жёлтого цвета. Пряжка с неподвижным щитком геральдического типа («старофранцузский щит»). Рамка овальной формы, выпуклая, декорирована рельефным гофрированием в виде двух зон восходящих параллельных валиков, разделённых высоким язычком треугольного сечения. Вероятно, с двух сторон от язычка в средней части рамки имеется два небольших симметричных отверстия. Края щитка скошены, а плоскость декорирована двумя тонкими желобками, повторяющими очертания щитка. Габаритные размеры – 60×50 мм. Тиснёная обкладка ременного наконечника имеет форму «старо-

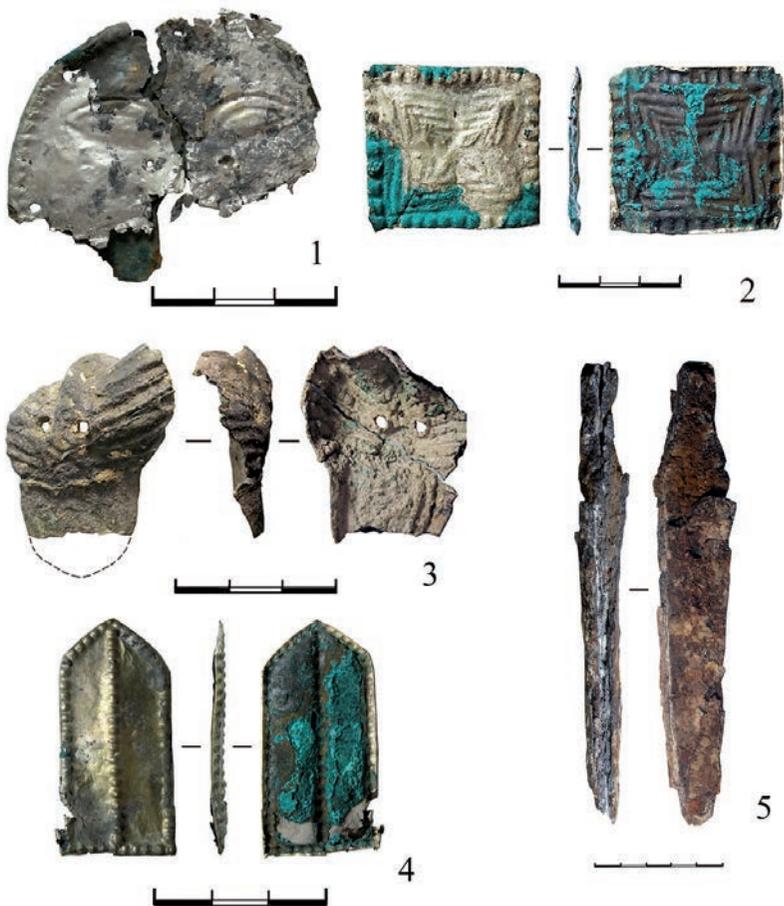


Рис. 8. Каньон Каракабак. Могильник № 3, объект № 2.
Находки: 1–4 – медные детали пояса; 5 – железный нож
8-сур. Қарақабак шатқалы. № 3 қорым, № 2 нысан.
Табылған заттар: 1–4 – белдіктің мыс бөліктері; 5 – темір пышақ
Fig. 8. Karakabak Canyon. Burial ground No. 3, object No. 2.
Finds: 1-4 – copper belt parts; 5 – iron knife



Рис. 9. Месторасположение могильников № 7 (1) и 10 (2) в каньоне Каракабак. Фото с севера
9-сур. Қарақабак шатқалындағы № 7 (1) және № 10 (2) қорымдардың орналасқан жері.
Солтүстік жақтан түсірілген фотосурет

Fig. 9. The location of burial grounds nr. 7 (1) and 10 (2) in the Karakabak Canyon. Photos from the north

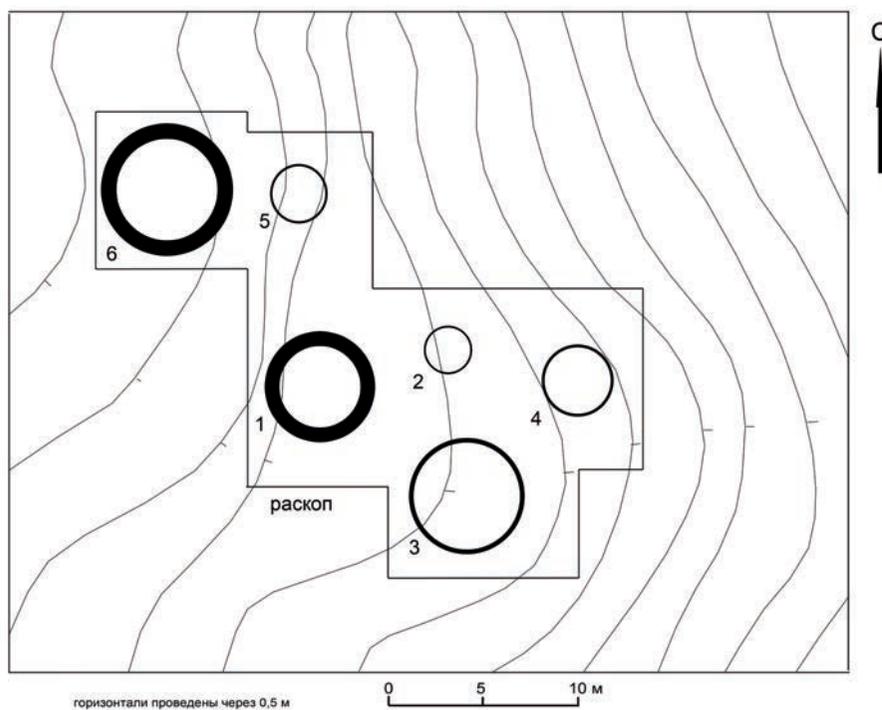


Рис. 10. Каньон Каракабак. План расположения объектов на могильнике № 7
10-сур. Қарақабак шатқалы. № 7 қорымдағы нысандардың орналасу жоспары
Fig. 10. Karakabak Canyon. The layout of the objects on the burial ground nr. 7



французского щита» и по технике создания аналогична вышеописанной. Периметр обкладки декорирован рядом крупной ложной зерни, а внутреннее поле – рядом повторяющихся угольников, направленных в сторону заостренного конца.

В области таранных костей обеих ступней женщины найдены обкладки деревянных имитаций пряжек щиткового типа и наконечников обувных ремешков (рис. 17, 7–10). Язычки пряжек направлены во внутреннюю сторону ног. Ременные наконечники перекрывают щитки пряжек. Форма, декор и техника изготовления обкладок пряжек аналогичны вышеописанной поясной пряжке. Размеры – 50×34 мм. Тиснёные обкладки обувных ремешков имеют форму вытянутых «старофранцузских щитов». На одной обкладке наконечника ремня сохранилась деревянная основа, в виде слегка выпуклой по продольной оси пластины. Обкладки декорированы аналогично поясному наконечнику с той лишь разницей, что периметр и продольное ребро выполнены в виде узких валиков.

Объекты № 5 и 6 однотипны: представляли собой кольцевидной формы наброски диаметром 4,5 и 5 м на склоне с уклоном 10–12°. Камни залегают в один ряд. Каких-либо нарушений материкового слоя (ям) в центре конструкций не выявлено. У объекта № 5 с ССВ стороны у основания крупного блока крепиды вкопан вертикально на половину в материковый горизонт лепной кувшин с оббитым в древности венчиком. Сохранилась ручка, дно пробито.

3 Обсуждение результатов исследования (Астафьев А.Е., Богданов Е.С., Жамбулатов К.А.)

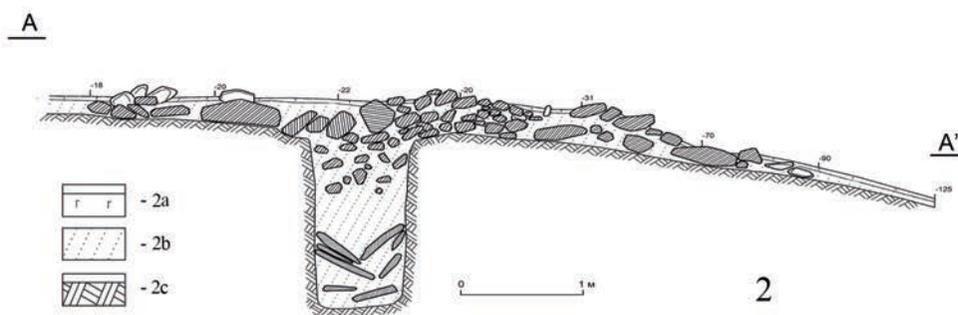
Погребальный обряд. Новые данные соотносятся с полученными ранее результатами раскопок на могильнике № 10 и не выбиваются из намеченного нами общего культурно-хронологического ряда. Из десяти исследованных захоронений под индивидуальными насыпями восемь совершено в подбойных могилах и только два – в узких подовальных ямах. Почти все погребённые со стабильно высоким процентом деформированных черепов уложены в вытянутом положении на спине с ориентацией головой на север.



Рис. 11. Каньон Каракабак. Могильник № 7, объект № 2.
Выкладка из известняковых плит под западной частью каменного кольца.
Фото с северо-запада
11-сур. Қарақабақ шатқалы. № 7 қорым, № 2 нысан.
Тас шеңбердің батыс бөлігінің астына төселген әктас плиталар.
Солтүстік-батыс жақтан түсірілген фотосурет
Fig. 11. Karakabak Canyon. Burial ground No. 7, object No. 2.
Laying out of limestone slabs under the western part of the stone ring.
Photo from the northwest



1



2

Рис. 12. Каньон Каракабак. Могильник № 7, объект № 3:

1 – вид с юго-востока на зачищенную наземную конструкцию; 2 – разрез (2a – дерн, песок; 2b – жёлтый песок; 2c – материк, суглинок с включениями кремневого камня)

12-сур. Қарақабак шатқалы. № 7 қорым, № 3 нысан: 1 – жер бетіндегі тазартылған құрылымға оңтүстік-шығыс жақтан қарағандағы көрініс; 2 – қима (2a – шым, құм; 2b – сары құм; 2c – құрғақ жер, шақпақтас қосылған саздақ)

Fig. 12. Karakabak Canyon. Burial ground No. 7, object No. 3:

1 – view from the southeast of the cleared ground structure; 2 – section (2a – turf, sand; 2b – yellow sand; 2c – native soil, loam with inclusions of flint stone)



Аналогичные параметры погребального обряда были сформированы и распространены в кочевой среде позднесарматского населения еще во 2-й пол. II в. н.э. на территории Южного Приуралья [Мошкова 1989: 191–202]. Здесь, на основе исследований таких опорных комплексов как Лебедевка II–VI [Мошкова 1982: 80–87], Целинный-I, Атпа I–V [Боталов, Гуцалов 2000: 65–120], Покровка 10 [Малашев, Яблонский 2008: 44–47] и др. были впервые сформированы в наиболее «чистом» виде ведущие признаки позднесарматской культуры [Мошкова 2009: 163–165; Малашев, Мошкова 2010: 38], просуществовавшие здесь вплоть до конца III в. Это индивидуальные погребения под насыпью, могильные ямы узкой прямоугольной формы и с подбойной нишей под восточной или западной стенкой, северная ориентировка умерших, деформация черепной коробки. Сравнение по маркерным признакам погребального обряда поздних сармат и исследованных погребений на некрополе Каракабак показывает, что вышеуказанные элементы просуществовали в кочевой среде вплоть до сер. VI в. н.э., несмотря на то, что само население позднесарматской культуры с конца III в. н.э. в степи уже не фиксируется [Малашев 2013: 124–131]. Одновременно с этим анализ позднесарматских и каракабакских погребальных памятников позволяет нам говорить о том, что среди городского населения городища Каракабак присутствовала этническая группа, сохранившая свои кочевнические нормы погребального обряда.

Кроме того, мы уже отмечали ещё один важный аспект, непосредственно связанный с мировоззренческими представлениями этой группы населения, – наличие в составе крупных курганных могильников указанных регионов кольцевых насыпей ритуального назначения, подобных каракабакским [Астафьев, Богданов 2020б: 189]. Местным, сохранившимся и устойчивым аспектом позднесарматских традиций является использование в погребальной церемонии при засыпке тела грунтовым заполнением периодических проливов водой. Мы это зафиксировали при раскопках мангистауских катакомбных захоронений на Алтынказгане [Астафьев, Богданов 2023: 115–121], Кумыре и Жынғылды (не опубликовано). В тоже время в материалах каракабакских комплексов очень чётко проявля-

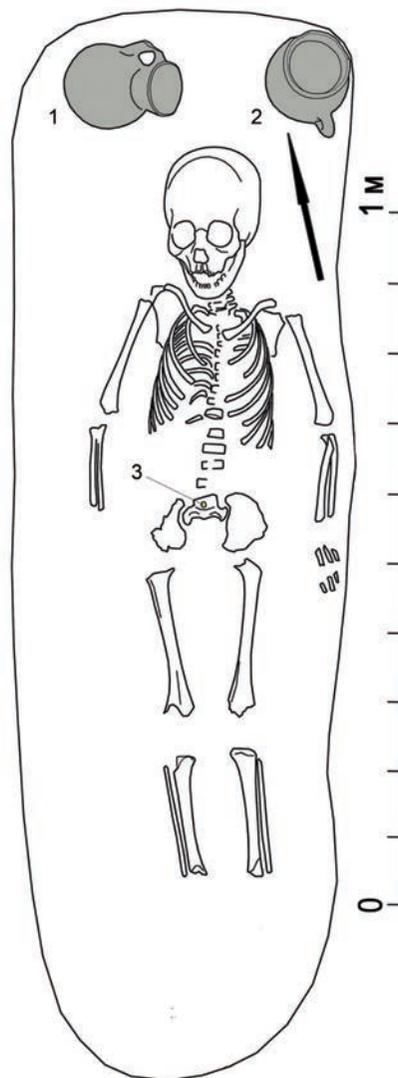


Рис. 13. Каньон Каракабак. Могильник № 7, объект № 3. План погребения.

Цифрами на плане обозначены:

- 1 – станковый кумган; 2 – лепная кружка; 3 – золотая фольгированная обкладка деревянной пряжки 13-сур. Қарақабақ шатқалы. № 7 қорым, № 3 нысан. Жерлеу жоспары. Жоспардағы сандардың белгілері: 1 – шарықта жасалған құмған; 2 – жапсырмалы саптыаяқ; 3 – ағаш тоғаның алтын фольга қаптауышы

Fig. 13. Karakabak Canyon. Burial ground nr. 7, object nr. 3. Burial plan.

The numbers on the plan indicate:

- 1 – pottery kumgan; 2 – moulded mug; 3 – gold foil lining of a wooden buckle



Рис. 14. Каньон Каракабак. Могильник № 7, объект № 3.

Находки из погребения: 1, 2 – керамические сосуды;

3 – фольгированная обкладка деревянной пряжки

14-сур. Қарақабақ шатқалы. № 7 қорым, № 3 нысан.

Жерлеу орнынан табылған заттар: 1, 2 – керамика ыдыстар;

3 – фольгамен қапталған ағаш тоға

Fig. 14. Karakabak Canyon. Burial ground nr. 7, object nr. 3. Finds from the burial: 1, 2 – ceramic vessels; 3 – foil lining of a wooden buckle

Характерной особенностью каракабакских захоронений и ритуальных комплексов является использование кувшинов (кумганов), бывших до этого в употреблении, с преобладанием станковых форм с полосчатым лощением. Их размещение закопанными к северу от камней крепид, по всей видимости, связанное с подношением (жидкости? хаомы?), можно считать явлением одного порядка с проводимыми зороастрийскими ритуалами на Алтынказгане, а не с простой поминальной тризной. Всем найденным в каракабакских могильниках сосудам есть чёткие аналогии (по типологии и составу теста) в материалах с городища, причем второго этапа (2-я пол. V – 1-я пол. VI в.) его существования [Астафьев, Богданов 2023: рис. 408, 410].

Предметный комплекс. При новых раскопках мы не обнаружили полихромных украшений или изделий понтийской моды. Поэтому не удивительно, что основная часть находок напрямую указывает на более позднюю дату возникновения могильников 3 и 7 относительно могильников 1 и 10. Что косвенно подтверждается их территориальным расположением в каньоне (рис. 1). Приведём некоторые доказательства данного тезиса.

1. Накладные штампованные медные пластины от парадного пояса с геометрическим тиснением уже претерпевают изменения в оформлении (рис. 8, 2). Исходную вариацию этой орнаментальной схемы мы видим на находках в кургане № 3 у ст. Шипово [Werner 1956: taf. 8, 13] и с по-

ются инновации. Они возникли, очевидно, во время мощного оттока населения в постгуннское время на Мангистау (п-ов Мангышлак). В результате, на Каракабаке начинает оседать полиэтничный субстрат, сохранивший самые разнообразные традиции, в том числе касающиеся погребальной обрядности. Например, обращает на себя внимание уже два случая укладывания рядом с умершими женщинами шкуры животного. При этом в большинстве исследованных могил заупокойная мясная пища на блюде отсутствует. Если в погребении 2 могильника № 10 останки быка (голова и конечности) лежали у стенки входной ямы [Астафьев, Богданов 2020в: рис. 3а], то в погребении 4 могильника № 7 шкуру козла уложили рядом с головой погребённой (рис. 16, 3). Показательно, что подобная обрядовая практика характерна именно для женских захоронений гуннской эпохи на территории Нижнего Поволжья, Крыма, Северного Причерноморья, Центрального Казахстана и Приаралья [Засецкая 1994: 17–19; Левина 1996: 120].



Рис. 15. Каньон Каракабак. Могильник № 7, объект № 4. Вид с юга на зачищенную наземную конструкцию 15-сур. Қарақабак шатқалы. № 7 қорым, № 4 нысан. Жер бетіндегі тазартылған құрылымға оңтүстіктен қарағандағы көрініс

Fig. 15. Karakabak Canyon. Burial ground nr. 7, object nr. 4. View from the south of the cleared ground structure

селения Каракабак [Астафьев, Богданов 2019: рис. 12, 17]. Поздние дериваты известны в кавказских материалах, например, Галайты [Амброз 1989: рис. 38, 14] и в Европе [Quast 2007: abb. 20].

2. Поясная и обувная гарнитура специфической формы и орнаментации (рис. 8, 1–4; 17, 6–10). Подобные имитации (обкладки деревянных основ) были ранее найдены нами в погребениях Каракабакского могильника 10 [Астафьев, Богданов 2020в: рис. 4, 3, 4; 2021: рис. 1–5]. От классических шиповских форм их отличает не только материал изготовления, но и оформление в виде стилизованных крыльев птицы вместо простых рифлёных полос-насечек на рамке. Но на более позднюю дату изготовления пряжек из могильников 3 и 7 указывает (геральдическая) форма щитка, на котором отсутствует характерная орнаментация в виде вдавленных окружностей и треугольников. Этот тезис подтверждают находки совсем другого типа наконечников ремней по форме «старофранцузских щитов» при полном отсутствии элементов крепежа (отверстий, клепок) (рис. 8, 4; 17, 6–8). Если на Алтынказгане, и в погребениях могильника 10 наконечники по форме и декоративному оформлению аналогичны предметам (византийской моды?) с территорий Северного Причерноморья, Северного Кавказа, Приаралья [Засецкая 1994: 67–68; Левина 1996: рис. 129; Астафьев, Богданов 2023: рис. 373–375], то наши новые находки (вкпе с геральдическим оформлением щитков пряжек и формой рамки) имеют более очевидную близость с аланскими материалами уже 2-й пол. VI в. из Пятигорья. В качестве примера можно привести экземпляры из Западного кугульского склепа № 3 или Мокрой Балки [Рунич 1979: рис. 14; Амброз 1989: рис. 25, 5, 13]. Причём и у ранних, и у поздних вариантов одна и та же система застегивания ремешков (шиповская). Однако пока не ясна при-

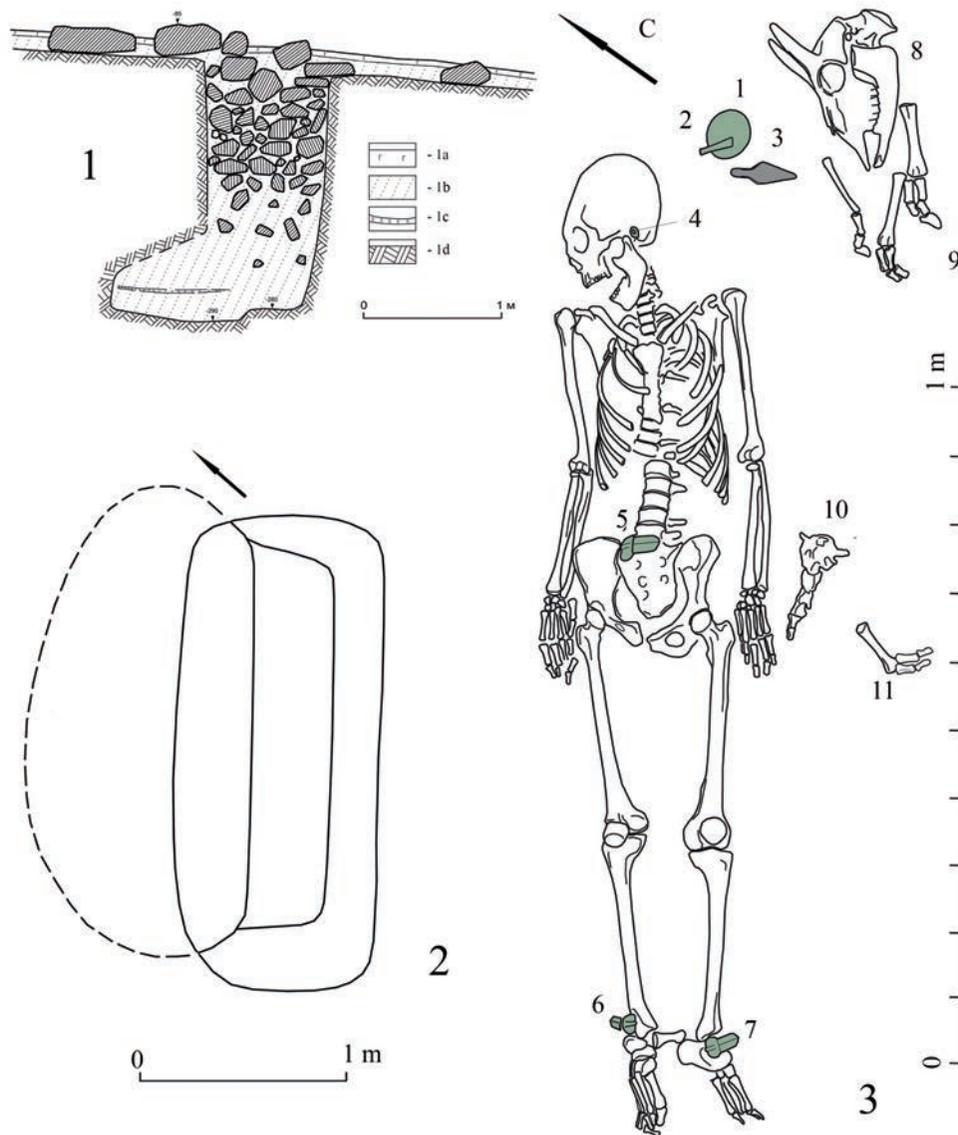


Рис. 16. Каньон Каракабак. Могильник № 7, объект № 4: 1 – разрез (1а – дерн, песок; 1б – жёлтый песок; 1с – грязевой затёк; 1д – материк, суглинок с включениями кремневого камня); 2 – план подбойной ямы; 3 – план погребения (1 – зеркало; 2 – пинцет; 3 – нож; 4 – серьга; 5 – обкладка поясной пряжки и наконечник ремня; 6, 7 – обкладки обувных пряжек и наконечники ремней; 8 – череп козла; 9 – конечности козла; 10 – хвостовые позвонки козла; 11 – конечность козла)

16-сур. Қаракабақ шатқалы. № 7 қорым, № 4 нысан: 1 – қима (1а – шым, құм; 1б – сары құм; 1с – балшық шұңқыр; 1д – құрғақ жер, шақпақтас қосылған саздақ); 2 – ақымның жоспары; 3 – жерлеу орнының жоспары (1 – айна; 2 – қысқыш; 3 – пышақ; 4 – сырға; 5 – белдік тоғасының қаптамасы және белдік ұшы; 6, 7 – аяқ-киім тоғасының қаптамалары және белдік ұштары; 8 – ешкінің бас сүйегі; 9 – ешкінің шеткі қаңқа сүйектері; 10 – ешкінің құйрық омыртқалары; 11 – ешкінің шеткі қаңқа сүйектері)

Fig. 16. Karakabak Canyon. Burial ground nr. 7, object nr. 4: 1 – section (1a – turf, sand; 1b – yellow sand; 1c – mud plug; 1d – native soil, loam with inclusions of flint stone); 2 – plan of the pit; 3 – burial plan (1 – mirror; 2 – tweezers; 3 – knife; 4 – earring; 5 – lining of the belt buckle and the tip of the belt; 6, 7 – lining of shoe buckles and belt tips; 8 – skull of a goat; 9 – limbs of a goat; 10 – tail vertebrae of a goat; 11 – limb of a goat)



чина столь высокой популярности кустарного изготовления по единому шаблону имитаций пряжек именно из дерева с обкладкой фольгой учитывая, что в условиях полупустынь Мангистау мастера должны предпочитать более традиционное литье. Возможно, мы здесь фиксируем следы центральноазиатского импульса. Это не удивительно, учитывая то, что на Каракабаке могли проживать выходцы из разных точек пространства, соединённого Великим Шёлковым путём.

3. Очень интересным и показательным с точки зрения проводимых церемоний является обнаружение в ритуальном сооружении (кенотафе?) пластины с изображением лица монголоидного типа с раскосыми глазами, коротким носом с широкими ноздрями (рис. 8, 1). Точно такие же экземпляры были найдены в составе алтынказганского «клада» № 3 в качестве конских налобных украшений и в погребении 11 могильника Каракабак 10 как центральная часть диадемы у погребенной девушки [Астафьев, Богданов 2023: рис. 331; 337, 3]. Получается, что данный образ был очень значимым для каракабакского населения в свете погребально-ритуальных церемоний. Личины – на парадной конской сбруе, и как часть «царского» головного облачения, и как важная деталь парадного пояса. Причем во всех случаях, – это обрядовые, а не бытовые вещи. Мы указывали на возможные истоки появления данных тиснённых в металле антропоморфных украшений со шнуровым обрамлением среди шиповских древностей [Астафьев, Богданов 2023: 183–186]. Причиной же «кустарного» изготовления таких масок-личин на Каракабакском анклаве и их тиражирования была мода на подражание позднеармянским (эллинистическим) образцам митраистского (солнечного) культа. Как и в случае с другими алтынказганскими «кладами», ритуальное захоронение (подношение) наборного пояса с личиной в объекте № 2 каракабакского могильника 3 нужно рассматривать именно в контексте древнеиранских представлений.

4. На полиэтничность населения Каракабака указывает самая «консервативная» категория предметного комплекса, такая как зеркала. Больше всего нами обнаружено бронзовых зеркал-дисков и обломков с петелькой по центру с орнаментом из ломаных линий (знаков) местного, довольно простого кустарного производства. Это типы IX и X по классификации А.М. Хазанова [Хазанов 1963: 67–69, рис. 4], тип 3 по Л.Б. Гмыре (для территории Прикаспийского Дагестана) [Гмыря 1990: 64] или тип «Березовка – Анке-2» по терминологии А.В. Мастыковой [Мастыкова 2009: рис. 91; 92]. Найденные на Алтынказгане, на поселении Каракабак и в погребении № 11 могильника Каракабак 10 [Астафьев, Богданов 2021: рис. 11, 3; 2023: рис. 400, табл. 51] зеркала различаются размерами, вариациями орнаментальной схемы и имеют многочисленные аналогии в гуннских памятниках Северного Кавказа, Поволжья, Приуралья, Арало-Каспия. С одной стороны, они отражают ритуально-мифологические представления предшествующего позднеармянского населения [Малашев и др. 2015: рис. 202], а с другой – являются копиями определённых орнаментальных схем с китайских зеркал и черепиц с солярной символикой [Богданов 2017: 7, рис. 1, 2].

Но в погребениях каракабакских могильников найдены и другие типы зеркал: бронзовые зеркала с ручкой-штырём (2 шт.), обломок крупного диска с циркульным орнаментом [Астафьев, Богданов 2020б: рис. 3, 7, 8; 4, 2], малый диск с грибовидной кнопкой по центру (рис. 17, 4). Находки двух первых типов имеют, по всей видимости, среднеазиатское (джетыасарское) происхождение (см.: [Левина, Равич 1995: рис. 1–7]) и довольно редко встречаются в гуннских и постгуннских (шиповских) комплексах [Засецкая 1994: табл. 40, 5; Засецкая и др. 2007: рис. 4, 5; Казанский 2021: рис. 12, 4]. Наличие в каракабакских захоронениях подобных зеркал, как и появление на Каракабаке керамики II хронологического этапа джетыасарской культуры, могут быть прямым свидетельством миграционного импульса кочевого населения нижней Сырдарьи, начало которого фиксируется в сер. – конце V в. (об этом см. подробнее: [Астафьев, Богданов 2023: 229–230]). По всей видимости, этот этнический субстрат оставался на Каракабаке вплоть до исчезновения поселения во 2-й пол. VI в.

Самой необычной находкой является массивное зеркало с грибовидной кнопкой-ручкой (рис. 17, 4). Оно не имеет аналогий ни в позднеармянских, ни в постгуннских материалах евразийской степной зоны. По всей видимости, оно является дериватом поволжских и северокавказских скифских круглых зеркал-дисков с бортиком и центральной ручкой в виде двух столбиков,



Рис. 17. Каньон Каракабак. Могильник № 7, объект № 4. Находки: 1 – керамический сосуд; 2 – двухлезвийный железный нож с клиновидным черешком; 3 – медный пинцет; 4 – бронзовое зеркало с пинцетом; 5 – медная обкладка с позолотой (имитация) деревянной поясной пряжки щиткового типа; 6 – медная обкладка с позолотой (имитация) деревянного наконечника ремня; 7, 8 – медные обкладки с позолотой (имитации) деревянных наконечников от ремешков; 9, 10 – медные обкладки с позолотой (имитации) деревянных обувных пряжек щиткового типа; 11, 12 – медные с позолотой серьги

17-сур. Қарақабак шатқалы. № 7 қорым, № 4 нысан. Табылған заттар: 1 – керамика ыдыс; 2 – сына тәрізді сапты екі жүзді темір пышақ; 3 – мыс қысқыш; 4 – қола айна қысқышымен; 5 – белдіктің қалқанға ұқсайтын



перекрытых бляшкой (см. напр.: [Кузнецова 2002: табл. 22–24]). Причём есть экземпляры, у которых поверхность этой бляшки (шляпки) вогнутая, как и у каракабакского зеркала [Кузнецова 2002: кат. № 525]. Форма и качество изготовления последнего свидетельствует, что мы имеем дело не с продуктом местного производства, а с реликтовым раннескифским образцом.

5. Закреплённый на каракабакском зеркале пинцет из согнутой пластины трапециевидной формы с расширенными концами (рис. 17, 4), являлся классическим элементом постгуннской моды и был самым распространённым женским аксессуаром на Каракабаке. Два точно таких же экземпляра найдено в погребениях могильника 10 [Астафьев, Богданов 2020б: рис. 3, 4; 4, 5] и три – при раскопках самого поселения. Точные аналогии им можно найти в материалах из гуннских погребений от Венгрии до Приаралья (об этом см.: [Астафьев, Богданов 2020б: 188; Казанский 2021: 111]). Но скорее всего, такой формы пинцеты могли появиться у населения Каракабака благодаря джетыясарскому импульсу. Как и золотые (бронзовые с позолотой) калачиковидные серьги из стержня с утолщением посередине и заострёнными концами. Это был единственный тип подобных украшений в каракабакском анклав. Четыре идентичных бронзовых экземпляра и один золотой найдены при раскопках на городище [Астафьев, Богданов 2019: рис. 12, 10, 11], четыре – в погребениях № 2 и 11 могильника 10 [Астафьев, Богданов 2020б: рис. 3, 11; 2021: рис. 7, 4, 5] и два – в погребении № 4 могильника 7 (рис. 17, 11, 12). Аналогии мы находим в комплексах III–VI вв. на обширной территории от Португалии до индо-пакистанских районов (см. об этом подробнее: [Засецкая 1994: 76; Мастыкова 2009: 72, рис. 69–70; Казанский 2021: 111; Богачев 2023]). Но наличие утолщений в средней части более характерно именно для экземпляров из Алтынасаара и Ферганы [Левина 1996: 223, рис. 144, 1–46; Литвинский 1973: 43] и, что особенно показательное, – для погребений у ст. Шипово [Засецкая 1994: табл. 42, 2, 3].

4 Выводы (Астафьев А.Е., Богданов Е.С., Жамбулатов К.А.)

Новые результаты исследований на территории трёх могильников в каньоне Каракабак соотносятся с полученными ранее данными по могильнику 10 и не выбиваются из обозначенного нами общего культурно-хронологического ряда.

1. Рядом с поселением Каракабак обнаружены только женские и детские захоронения в группах с ритуальными сооружениями.

2. Захоронения принадлежат представителям различных этнических групп населения, обитавшего на городище, вероятно, с преобладанием выходцев из низовий Сырдарьи (Джетыясар).

3. Зафиксировано сохранение позднесарматских традиций в погребальном обряде при проникновении инноваций, связанных с зороастрийскими и митраистскими культурами. Заупокойная пища при захоронении не была предусмотрена.

4. Предварительно, могильник 1 и 10 можно датировать в пределах 2-й пол. V – 1-й пол. VI в., могильник 3 и 7 – сер. VI в.

5. Обнаруженный нами в 2023 году предметный комплекс не содержит типичных изделий «понтийской моды» и полихромных украшений, но подтверждает непосредственную связь с жителями поселения, представляющих политэтнический субстрат. Чётко фиксируется связь с шиповскими и джетыясарскими культурными традициями.



ағаш тоғасының алтын жалатылған (соған ұқсатылған) мыс қаптамасы; 6 – белдіктің ағаш ұшының алтын жалатылған (соған ұқсатылған) мыс қаптамасы; 7, 8 – баулардан алынған ағаш ұштарының алтын жалатылған (соған ұқсатылған) мыс қаптамалары; 9, 10 – аяқ-киімнің қалқанға ұқсайтын ағаш тоғасының алтын жалатылған (соған ұқсатылған) мыс қаптамалары; 11, 12 – алтын жалатылған мыс сырғалар

Fig. 17. Karakabak Canyon. Burial ground nr. 7, object nr. 4. Finds: 1 – ceramic vessel; 2 – two-bladed iron knife with a wedge-shaped scale; 3 – copper tweezers; 4 – bronze mirror with tweezers; 5 – copper lining with gilding (imitation) of a wooden belt buckle of the shield type; 6 – copper lining with gilding (imitation) 7, 8 – copper plates with gilding (imitations) of wooden tips from straps; 9, 10 – copper plates with gilding (imitations) of wooden shoe buckles of the shield type; 11, 12 – copper earrings with gilding



Рис. 18. Каньон Каракабак. Могильник № 3, объект № 2.
Реконструкция ремня в расстёгнутом (1) и застёгнутом (2) состоянии
18-сур. Қарақабақ шатқалы. № 3 қорым, № 2 нысан.
Белдіктің ағытылған (1) және тағылған (2) күйінің реконструкциясы
Fig. 18. Karakabak Canyon. Burial ground nr. 3, object nr. 2.
Reconstruction of the belt in the unbuttoned (1) and buttoned (2) condition

6. Большая часть найденных нами предметов и посуда была изготовлена мастерами Каракабака.

7. Классическими аксессуарами для женщин каракабакского анклава были калачиковидные серьги с утолщением по центру, зеркало, пинцет, двухлезвийный железный нож с клиновидным черешком, поясные и обувные пряжки, выполненные в виде имитаций на деревянной основе. Полностью отсутствуют нашейные украшения из бусин. Позолота на большинстве медных предметов (обкладках) должна была придавать облик «царского» одеяния.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.: Наука, 1989. 134 с.
- 2 Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Древний город на Восточном берегу Каспийского моря // *Stratum plus*. 2019. № 4. С. 17–38.
- 3 Астафьев А.Е., Богданов Е.С. К вопросу о существовании восточно-каспийского ответвления Великого шелкового пути // *Этнические взаимодействия на Южном Урале. Великое переселение народов: диалог культур. М-лы VIII междунар. конф. (г. Челябинск, 1–3 октября 2020 г.)* / Отв. ред. С.Г. Боталов. Челябинск: изд-во Гос. ист. музей Южного Урала, 2020а. С. 126–131.
- 4 Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Гуннские древности Северо-Восточного Прикаспия // *Stratum plus*. 2020б. № 3. С. 179–192.
- 5 Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Полихромный стиль на Мангышлаке (Республика Казахстан) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2020в. № 2 (48). С. 80–88.



- 6 Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Элитное погребение гуннского времени могильника Каракабак (Мангистау, Казахстан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. № 4 (54). С. 57–68.
- 7 Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Погребально-поминальный комплекс Алтынказган (III – первая половина VI в.). Алматы: ИА КН МНВО РК, 2023. 384 с. (МИАК. Т. XVIII).
- 8 Богачев А.В. Калачиковидные цельнолитые серьги IV–VII вв. // Уфимский археологический вестник. 2023. Т. 23. № 2. С. 207-226.
- 9 Богданов Е.С. Происхождение тамг хунну // Нижневолжский археологический вестник. 2017. Т. 16. № 2. С. 5–32.
- 10 Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Рифей, 2000. 265 с.
- 11 Гмыря Л.Б. Металлические зеркала из катакомбных погребений Прикаспийского Дагестана. Типология и семантика орнаментальных мотивов // Памятники древнего искусства Дагестана / Отв. ред. М.М. Маммаев. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1990. С. 59–73.
- 12 Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в. н.э.). СПб.: Эллипс, ЛТД, 1994. 224 с.
- 13 Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек: Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 212 с.
- 14 Казанский М.М. Древности степных кочевников постгуннского времени (середина V – середина VI в.) в Восточной Европе // МИАЭТ. 2020. Вып. XXV. С. 90–167.
- 15 Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии VI–III вв. до н.э. Т. 1. М.: Изд-во «Индрик», 2002. 352 с.
- 16 Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М.: Наука, 1996. 396 с.
- 17 Левина Л.М., Равич И.Г. Бронзовые зеркала из джетыясарских памятников // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 5. Джетыясарская культура. М. 1995. С. 122–184.
- 18 Литвинский Б.А. Украшения из могильников Западной Ферганы. (Могильники Западной Ферганы; т. III). М.: Наука, 1973. 211 с.
- 19 Малашев В.Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 301 с.
- 20 Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Илюков Л.С. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н.э. Махачкала: Мавраевъ, 2015. 451 с.
- 21 Малашев В.Ю., Мошкова М.Г. Происхождение позднесарматской культуры (к постановке проблемы) // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным): м-лы семинара центра изучения истории и культуры сарматов / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2010. Вып. III. С. 37–56.
- 22 Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: Институт археологии РАН; Восточная лит-ра, 2008. 365 с.
- 23 Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.
- 24 Мошкова М.Г. Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане // Краткие сообщения Института археологии. 1982. Вып. 170. С. 80–87.
- 25 Мошкова М.Г. Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / отв. ред. А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 191–202.
- 26 Мошкова М.Г. Анализ сарматских погребальных памятников II–IV вв. н.э. / Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV. Позднесарматская культура. М.: Восточная литература, 2009. 176 с.
- 27 Рунич А.П. Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. 1979. № 4. С. 32–47.
- 28 Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1968. № 4. С. 58–71.
- 29 Quast D. Zwischen Steppe, Barbaricum und Byzanz. Bemerkungen zu prunkvollem Reitzubehör des 5. Jahrhunderts n.Chr. // Acta Praehistorica et Archaeologica. 2007. Band 39. S. 35–64.
- 30 Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. B: Tafelteil. München: Verl. der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1956. 83 S. (Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse. Neue Folge. Heft 38)



REFERENCES

- 1 Ambroz, A. K. 1989. *Khronologiya drevnostey Severnogo Kavkaza V–VII vv. (Chronology of the antiquities of the North Caucasus 5th–7th centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 2 Astafiev, A. Y., Bogdanov, Y. S. 2019. In: *STRATUM plus*, 4, 17–38 (in Russian).
- 3 Astafiev, A. Y., Bogdanov, Y. S. 2020a. In: Botalov, S. G. (ed.). *Etnicheskiye vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale. Velikoye pereseleniye narodov: dialog kultur (Ethnic interactions in the Southern Urals. The Great Migration of Peoples: a dialogue of cultures)*. Chelyabinsk: State Historical Museum of the Southern Urals, 126–131 (in Russian).
- 4 Astafiev, A. Y., Bogdanov, Y. S. 2020b. In: *STRATUM plus*, 3, 179–192 (in Russian).
- 5 Astafiev, A. Y., Bogdanov, Y. S. 2020c. In: *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)*, 2 (48), 80–88 (in Russian).
- 6 Astafiev, A. Y., Bogdanov, Y. S. 2021. In: *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)*, 4 (54), 57–68 (in Russian).
- 7 Astafiev, A. Y., Bogdanov, Y. S. 2023. *Pogrebavno-pominalnyi kompleks Altynkazgan (III – pervaya polovina VI v.) (Altynkazgan funeral and memorial complex (3rd – the first half of the 6th century))*. (Materials on the history and archaeology of Kazakhstan. Vol. XVIII). Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 8 Bogachev, A. V. 2023. In: *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Herald)*, vol. 23, nr. 2, 207–226 (in Russian).
- 9 Bogdanov, Y. S. 2017. In: *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (The lower Volga archaeological bulletin)*, vol. 16, nr. 2, 5–32 (in Russian).
- 10 Botalov, S. G., Gutsalov, S. Y. 2000. *Gunno-sarmaty Uralo-Kazakhstanskikh stepey (Hunno-Sarmatians of the Ural-Kazakh steppes)*. Chelyabinsk: “Rifey” Publ. (in Russian).
- 11 Gmyrya, L. B. 1990. In: Mammayev, M. M. (ed.). *Pamyatniki drevnego iskusstva Dagestana (Monuments of ancient art of Dagestan)*. Makhachkala: Dagestan branch of the USSR Academy of Sciences, 59–73 (in Russian).
- 12 Zasetzkaya, I. P. 1994. *Kultura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epokhu (konets IV-V v. n.e.) (The culture of the nomads of the South Russian steppes in the Hunnic era (late 4th–5th century AD))*. Saint Petersburg: “Ellips” Publ. (in Russian).
- 13 Zasetzkaya, I. P., Kazanskiy, M. M., Akhmedov, I. R., Minasyan, R. S. 2007. *Morskoy Chulek: Pogrebeniya znati iz Priazoviya i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomoriya v postgunnskuyu epokhu (Sea Chulek: Burials of the nobility from the Azov sea region and their place in the history of the tribes of the Northern Black Sea region in the post-Hunnic era)*. Saint Petersburg: State Hermitage (in Russian).
- 14 Kazanskiy, M. M. 2020. In: *Materialy po istorii, arheologii i etnografii Tavrii (Materials on the history, archaeology and ethnography of Tavria)*, XXV, 90–167 (in Russian).
- 15 Kuznetsova, T. M. 2002. *Zerkala Skifii VI–III vv. do n.e. (Mirrors of Scythia of the 6th–3rd centuries BC)*. Vol. 1. Moscow: “Indrik” Publ. (in Russian).
- 16 Levina, L. M. 1996. *Etnokulturnaya istoriya Vostochnogo Priaraliya. I tysyacheletie do n.e. – I tysyacheletie n.e. (The ethnocultural history of the Eastern Aral Sea region. 1st millennium BC – 1st millennium AD)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 17 Levina, L. M., Ravich, I. G. 1995. In: *Nizoviya Syrdarii v drevnosti. T. 5. Jetyasarskaya kultura (The lower reaches of the Syr Darya in ancient times. Issue 5. Jetyasar culture)*. Moscow, 122–184 (in Russian).
- 18 Litvinskiy, B. A. 1973. *Ukrasheniya iz mogilnikov Zapadnoy Fergany. (Mogilniki Zapadnoy Fergany; t. III) (Jewelry from the burial grounds of Western Ferghana. (Burial grounds of Western Ferghana; vol. III))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 19 Malashev, V. Y. 2013. *Pozdnesarmatskaya kultura Yuzhnogo Priuraliya vo II–III vv. n.e. (The Late Sarmatian culture of the Southern Urals in the 2nd–3rd centuries AD)*: Thesis ... Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).
- 20 Malashev, V. Y. Gajiyev, M. S., Ilyukov, L. S. 2015. *Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii. Kurgannyye mogilniki Prikaspiyskogo Dagestana III–V vv. n.e. (The country of the Maskuts in the Western Caspian Sea. Burial mounds of the Caspian Dagestan of the 3rd–5th centuries AD)*. Makhachkala: “Mavrayev” Publ. (in Russian).
- 21 Malashev, V. Y., Moshkova, M. G. 2010. In: Skripkin, A. S. (ed.). *Stanovleniye i razvitiye pozdnesarmatskoy kultury (po arkheologicheskim i yestestvennonauchnym dannym) (Formation and development of the Late Sarmatian culture (based on archaeological and natural science data))*. Issue III. Volgograd: Volgograd State University, 37–56 (in Russian).



- 22 Malashev, V. Y., Yablonskiy, L. T. 2008. *Stepnoye naseleniye Yuzhnogo Priuraliya v pozdnesarmatskoye vremya: po materialam mogilnika Pokrovka 10 (The steppe population of the Southern Urals in the Late Sarmatian period: based on the materials of the Pokrovka burial ground 10)*. Moscow: Institute of Archaeology RAS; “Vostochnaya lit.” Publ. (in Russian).
- 23 Mastykova, A. V. 2009. *Zhenskiy kostyum Tsentralnogo i Zapadnogo Predkavkaziya v kontse IV – seredine VI v. n.e. (Women’s costume of the Central and Western Pre-Caucasus in the end of 4th – mid 6th century AD)*. Moscow: Institute of Archaeology RAS (in Russian).
- 24 Moshkova, M. G. 1982. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*, 170, 80–87 (in Russian).
- 25 Moshkova, M. G. 1989. In: Melyukova, A. I. (ed.). *Stepi yevropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya (Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian period)*. Moscow: “Nauka” Publ., 191–202 (in Russian).
- 26 Moshkova, M. G. 2009. *Analiz sarmatskikh pogrebalnykh pamyatnikov II–IV vv. n.e. Statisticheskaya obrabotka pogrebalnykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii. Vol. IV. Pozdnesarmatskaya kultura (Analysis of Sarmatian funerary monuments of the 2nd–4th centuries AD. Statistical processing of funerary monuments of Asian Sarmatia. Issue IV. Late Sarmatian culture)*. Moscow: “Vostochnaya literature” Publ. (in Russian).
- 27 Runich, A. P. 1979. In: *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)*, 4, 32–47 (in Russian).
- 28 Khazanov, A. M. 1968. In: *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)*, 4, 58–71 (in Russian).
- 29 Quast, D. 2007. In: *Acta Praehistorica et Archaeologica*, 39, 35–64 (in Deutsch).
- 30 *Werner, J.* 1956. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. B: Tafelteil. München: Verl. der Bayerischen Akademie der Wissenschaften (Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse. Neue Folge. Heft 38) (in Deutsch).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 26.02.2024.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 09.03.2024.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 09.03.2024.

